

DOI: 10.31857/S086919080028867-0

ЭЛЛИНИЗАЦИЯ МОНУМЕНТАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА МЕРОИТСКОГО ЦАРСТВА ПРИ НАТАКАМАНИ И АМАНИТОРЕ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ¹

© 2024

М.А. ЛЕБЕДЕВ ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-1524-2083; maximlebedev@mail.ru

Резюме: Мероитский Куш был крупнейшим государством на южных границах римского мира. Нивысшего своего развития, как часто считается, Мероитское царство достигло в I в. н.э. при соправителях Натакамани и Аманиторе, которые отличались необычайно активной строительной деятельностью. Они возводили, перестраивали и восстанавливали культовые и дворцовые комплексы по всей территории страны от Амары на севере до Наги на юге. Более 1 тыс. километров нильской долины и окружающих ее областей были включены в масштабную программу по обновлению монументального ландшафта Мероитского государства. Характерной чертой той эпохи стала популярность эллинизированных мотивов как в архитектуре, так и в иконографии. Однако эллинизация коснулась далеко не всех царских памятников, их список ограничен дворцовыми комплексами и храмами в честь чисто кушитских богов, прежде всего, покровителя царской власти и плодородия, бога-воителя Анедемака. Кроме того, все эллинизированные памятники Натакамани и Аманиторе расположены на важных торговых путях, по которым товары из глубинных районов Африки шли в сторону Средиземноморья. В статье рассматривается исторический и политический контекст эпохи, а также предпринимается попытка объяснить причины столь яркого и тщательно выверенного явления как эллинизация монументального и культурного ландшафта Мероэ в I в. н.э. Автор делает вывод, что в целях укрепления собственного положения внутри страны и за ее пределами Натакамани и Аманиторе сделали ставку на подчеркнутую самостоятельность от Римского Египта, которая в конкретных исторических условиях вылилась в египтизацию вместо романизации. Последнее могло быть попыткой утвердить себя наследниками птолемеевской государственности и происходило через адаптацию птолемеевских религиозных образов (прежде всего, дионисийских и солярных) и архитектурных форм, возвращение в эпиграфику древнеегипетского языка, а также строительство и реставрацию храмов древнеегипетского бога Амона.

Ключевые слова: Мероэ, Куш, Египет, Римская империя, храмы, дворцы, монументальный ландшафт, эллинизация.

Для цитирования: Лебедев М.А. Эллинизация монументального ландшафта Мероитского царства при Натакамани и Аманиторе: культурно-исторический контекст. *Восток (Oriens)*. 2024. № 2. С. 44–58. DOI: 10.31857/S086919080028867-0

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01802 «Последний великий строитель между древним Римом и Африкой: преобразование монументального ландшафта в столичных центрах среднего течения Нила при царе Натакамани», <https://rscf.ru/project/22-28-01802/>

This work was supported by the Russian Science Foundation under grant No. 22-28-01802 (“The last great master builder between ancient Rome and Africa: development of monumental landscape in capital zones of the Middle Nile Valley under king Natakamani”), <https://rscf.ru/project/22-28-01802/>

HELLENIZATION OF THE MONUMENTAL LANDSCAPE
OF THE MEROITIC KINGDOM UNDER NATAKAMANI AND AMANITORE:
CULTURAL AND HISTORIC CONTEXT

© 2024

Maksim A. LEBEDEV ^a

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1524-2083; maximlebedev@mail.ru

Abstract: *The Meroitic Kush was the largest state on the southern border of the Roman world. It had reached its highest point of development by the 1st century A.D. under the rule of king Natakamani and queen Amanitore whose extraordinary building activity attracted many scholars. Within the framework of a large-scale program of renewing the monumental landscape of their state, the co-rulers erected, rebuilt, and restored cult and palace complexes throughout the country from Amara in the north to Naqa in the south. A characteristic feature of this activity was a wide use of Hellenizing motifs in architecture and iconography. However, Hellenization did not affect all royal monuments: it was limited to palace complexes and temples of local Kushite gods, predominantly Apedemak, located on main trade routes passing from inner Africa to the Mediterranean region. The article attempts to explain the reasons for such a striking but, to all appearances, carefully planned phenomenon. The author argues that Natakamani and Amanitore were willing to strengthen their own position within the country and beyond by emphasizing their independence from the northern neighbor through Egyptization instead of Romanization. The latter could be an attempt to establish themselves as heirs of the Ptolemaic state using Ptolemaic iconography (primarily Dionysiac and solar) and architectural forms, Egyptian language, and construction or restoration of the temples of Amun. The case of the Meroitic Kingdom under Natakamani and Amanitore may be extremely useful for understanding cultural and historical processes that took place on the outskirts of the Hellenistic and then Roman worlds.*

Keywords: Meroe, Kush, Egypt, Roman Empire, temples, palaces, monumental landscape, Hellenization.

For citation: Lebedev M.A. Hellenization of the Monumental Landscape of the Meroitic Kingdom under Natakamani and Amanitore: Cultural and Historic Context. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 2. Pp. 44–58. DOI: 10.31857/S086919080028867-0

Нижнее и среднее течение Нила – колыбель двух древних цивилизаций, египетской и кушитской, развивавшихся в своеобразных условиях аллювиальной долины, окруженной пустынями и саваннами. Независимое царство Куш стало формироваться с рубежа XI–X вв. до н.э. в связи с уходом из Верхней Нубии египетских военных отрядов и администрации, а его расцвет пришелся на период с VIII в. до н.э. по III в. н.э. В VIII–VII вв. до н.э. кушитские правители из района 4-го нильского порога (Напаты / Гебель Баркала) сумели подчинить своей власти сначала часть, а затем на несколько десятилетий и всю территорию Египта, основав знаменитую XXV династию «черных фараонов» (744–656 гг. до н.э.). После ряда поражений от ассирийцев и египтян границы владений кушитских правителей вновь откатились на юг, и с VI в. до н.э. кушитско-египетское пограничье приходилось на территорию между 1-м и 2-м нильскими порогами.

Завоевания Александра Македонского (334–324 гг. до н.э.) и утверждение Птолемеевской династии (304–30 гг. до н.э.) в египетской долине Нила проходили на фоне важных

преобразований в Куше. Ок. 300 г. до н.э., на фоне очередного похолодания, приведшего к аридизации климата Северной Африки, основной политический и экономический центр государства, а с ним и царский некрополь, были перемещены из района 4-го нильского порога (Напата) вглубь Африки, в район между 5-м и 6-м нильскими порогами (Мероэ) [Лебедев, 2019]. При этом влияние традиций фараоновского Египта, чрезвычайно сильное в предыдущие столетия, резко ослабло [Edwards, 2004, p. 141–181]. В ход вошла собственная мероитская письменность, начали более активно развиваться культы местных божеств, локальные строительные технологии, большее значение приобрели местные яровые сельскохозяйственные культуры, такие как сорго и просо [Fuller, 2015]. Наконец, после завершения экспансии Птолемея II в южном направлении Кушитское царство постепенно включилось в более тесные связи с эллинистическим миром. Данные культурные и экономические изменения позволяют сегодня исследователям отделять напатский этап развития Кушитской цивилизации от мероитского, большая часть которого пришлось на Римский климатический оптимум и характеризовалась новым расцветом производственных сил.

Наивысшего своего развития Меровитское царство достигло в I в. до н.э. – I в. н.э. Наиболее заметными правителями этого времени, отличившимися исключительно активной строительной деятельностью, были Натакамани и Аманиторе². Точные даты их правления неизвестны, однако сегодня наиболее аргументированным кажется отнесение этого царствования не к концу I в. до н.э. – первой четверти I в. н.э., как считалось ранее [Берзина, 1992, с. 70], а к середине – второй половине I в. н.э., т.е. ко временам императоров Клавдия и Нерона [Eide et al., 1998, p. 898–899].

Известная к настоящему времени география их строительной деятельности очень широка и пока не имеет известных параллелей в кушитской истории: Амара, Саи, Табо, Напата (Гебель Баркал), Дангейл, Мероэ, Аулиб, Абу Эртейла, эль-Хасса, Мувейс, Вад Бен Нага, Нага и, возможно, Мусавват эль-Суфра³ и Дуаниб⁴. Наиболее масштабные работы при этом были связаны со строительством храмов Льва (рис. 1) и Амона в Наге, возведением храма Амона в Амаре и храма Исиды в Вад Бен Наге, строительством часовни (вероятно, богини Хатхор) в Наге (рис. 1), реставрацией и расширением Большого храма Амона и, вероятно, перестройкой водного святилища и храма М 292 в Мероэ, оформлении дромоса Большого храма Амона в Мероэ, строительством дворцовой зоны и реконструкцией Большого храма Амона в Гебель Баркале, а также созданием храмовых комплексов в устье Вади эль-Хавад (Абу Эртейла и, возможно, Аулиб). В целом складывается впечатление, что соправители стремились оставить след чуть ли не в каждом крупном культовом и административном центре мероитской державы, значительно преобразовав весь монументальный ландшафт царства. В немалой степени этому способствовало применение новых строительных технологий: сочетание камня с более дешевыми обожженными и сырцовыми кирпичами, росписей по штукатурке вместо рельефов, а также использование типовых кирпичей сложной формы для карнизов и молдингов. Причины такой бурной деятельности не вполне ясны. Нередко считается, что благодаря широкому строительству Натакамани и Аманиторе стремились легитимизировать свои права на политическое лидерство в государстве, население и элиты которого не были привычны к практике соправления [Török, 2002, p. 250–251]. Об этом же свидетельствует, возможно, и активная пропаганда

² Натакамани и Аманиторе являлись соправителями, однако характер их взаимоотношений до сих пор не вполне ясен (муж/жена, сын/мать?).

³ Однако, см. комментарий Л. Төрёка [Török, 2011, p. 191, no. 12]

⁴ В настоящее время храм, судя по всему, разрушен, и датировка основана на иконографии, сохраненной К.Р. Лепсиусом. Подробнее см.: [Török, 1997(1), p. 504, note 516].

сакрального авторитета царской семьи (в частности, легитимности царских наследников) [Török, 1997(1), p. 461–467].

Правление Натакамани и Аманиторе, судя по масштабам их деятельности, было отмечено экономическим процветанием. Причины этого предполагаемого экономического подъема в I в. н.э., вероятно, имели комплексный характер. С одной стороны, это потепление эпохи Римского климатического оптимума, которое привело к интенсификации муссонов и, соответственно, повышению уровня нильских паводков и увеличению количества летних осадков на территории Судана. С другой стороны, цивилизация Куша традиционно развивалась в значительной степени за счет контроля над потоками товаров из глубинных районов Африки в Египет и бассейн Индийского океана [Edwards, 1998; Haaland, 2014]. Поэтому вполне вероятно, что предполагаемый экономический рост времени Натакамани и Аманиторе был связан в не меньшей, а может, и большей степени с улучшением политических и интенсификацией экономических контактов с Римской империей [Vrtal, 2015, p. 466]. Этот процесс начался за пару поколений до Натакамани и Аманиторе в результате заключения мирного договора на острове Самос в 21/20 г. до н.э. [Török, 1997(1), p. 448–455]. А. Манцо полагает, что во времена соправителей отношения Мероэ с Римом заметно обострились [Manzo, 2006, p. 90–91]. В действительности – по сообщениям Сенеки Младшего (*Sen. Nat. Quaest.* VI. 8. 3–4), Плиния Старшего (*Plin. NH.* VI. 184–186, ср. XII. 19) и Диона Кассия (*Dio. Cass. LXIII.* 8. 1) – император Нерон, похоже, отправил в Куш две небольших разведывательных миссии с целью обнаружения истоков Нила и сбора информации для возможного вторжения⁵. Они, между прочим, были дружелюбно приняты мероитами. До 70 г. н.э. отношения между Римом и Мероэ определенно оставались мирными, а в какой-то момент после случилось обострение, приведшее между 89 и 92 гг. н.э. к военному столкновению. Вероятно, спор шел за территорию Нижней Нубии, которая до этого находилась под общим управлением римлян и кушитов [Берзина, 1992, с. 56–58]. Рост напряженности теоретически мог прийти на конец соправления Натакамани и Аманиторе, но сами боевые действия – уже вряд ли.

Монументальный ландшафт, интенсивно изменявшийся царственной парой, был частью общего культурного ландшафта Кушитского государства. Под культурным ландшафтом в археологии обычно понимают пространство, которое, имея социальное, политическое, религиозное и экономическое значения, динамично изменяется под влиянием занимающих это пространство человеческих сообществ⁶. Культурные ландшафты являются не менее ценным источником по истории, экономике, идеологии и мировоззрению древних обществ, чем письменные, изобразительные и археологические памятники или их комплексы.

Вульгарное понимание монументальности обычно отсылает нас к размерам памятников. Так, формирование первых монументальных ландшафтов нередко связывают с появлением мегалитических структур. Однако это серьезное упрощение. Латинский глагол *monere* означает «помнить». Если исходить из этимологии термина, то важнейшей функцией монументальных ландшафтов является передача социальной памяти через поколения. Очевидно, что если рассматривать такие ландшафты в широком значении, то они должны включать в себя весьма разнообразный спектр материальной культуры, созданной в рамках «акта запоминания» [Bradley, 2002, p. 11]. Ее можно разделить на два типа: 1) недвижимые

⁵ Мы придерживаемся аргументации Ф. Хинтце, принятой также С.Я. Берзиной, которые считали, что Сенека и Плиний Старший сообщают не об одной, а о двух разных экспедициях [Hintze, 1973, p. 131; Берзина, 1992, с. 56–57].

⁶ Сам термин пришел в археологию из географии. Впервые он был введен в научный оборот более столет назад немецким географом О. Шлютером (1872–1959), который противопоставлял культурный ландшафт («Kulturlandschaft») естественному («Urlandschaft») [Schlüter, 1906, S. 51].

памятники, которые наиболее очевидны – например, наскальные надписи или крупные («монументальные») строения, такие как дворцы, храмы, пирамиды, частные гробницы; 2) движимые памятники, наполняющие крупные строения и формирующие пространства вокруг них – статуи, стелы, жертвенники, керамика, ювелирные украшения, культовые изображения, магические предметы и пр. Вторая категория не всегда приходит на ум, однако она была не менее важна в социальной контекстуализации недвижимых объектов, чем, к примеру, природный ландшафт [Furholt, Hinz, Mischka, 2012].

Традиционно отмечается, что в строительной деятельности Натакамани и Аманиторе наблюдаются две основные тенденции [Török, 1997(1), p. 463–464]. С одной стороны, это тенденция к архаизации, которая прослеживается как в архитектуре, так и в предметах мелкой пластики⁷. С другой стороны, это широкое заимствование идей и форм из греко-римского Египта (это касается не только архитектуры и искусства, но также возобновления широкого использования – наряду с мероитским – древнеегипетского языка) [Vrtal, 2015, p. 484].

Показательно, что *почти все* хорошо сохранившиеся мероитские монументальные памятники, испытавшие явное влияние греко-римской архитектурной традиции, вполне определенно или предположительно относятся ко времени Натакамани и Аманиторе. Конечно, это может быть как реальная тенденция, так и особенность сохранности более поздних памятников. Прежде всего привлекает внимание храм Льва (Апедемака) в Наге (рис. 1)⁸, где использованы образы Зевса-Амона-Сераписа (?) (рис. 2), Сераписа-Апедемака (рис. 3) и неизвестного солярного божества с иконографией, характерной для античных богов (рис. 4)⁹. Частью комплекса Апедемака была часовая Хатхор (ранее была известна как «римский киоск») с коринфскими капителями колонн [Török, 2011, p. 301–308; Kröper, 2019, p. 113] (рис. 1), храм в Дуанибе с дионисийскими мотивами в рельефном оформлении и храмовый комплекс в Абу Эртейле с росписями, имитирующими александрийские образцы [Kuvatova, 2019]. Кроме того, вполне характерна царская дворцовая зона в Гебель Баркале, где активно использовались колонны с эллинизированными¹⁰ капителями и изразцы-тондо с дионисийскими сюжетами [Taüfino, 2018]. Точно такие же изразцы были использованы при перестройке водного святилища в Мероэ [Török, 1997(2), pl. 28–33]. Чего добивались Натакамани и Аманиторе, активно наполняя преобразуемый монументальный ландшафт государства эллинизированными мотивами? О чем это свидетельствует? И каковы были причины этого? Без определения контекста к этим вопросам, безусловно, не подступиться.

Что такое эллинизация применительно к Кушу, который никогда не был частью мира, покоренного греко-македонскими войсками? Собственно, в настоящее время существуют два основных термина, которые относятся к процессам адаптации греческой культуры за пределами Эллады после походов Александра Македонского – *эллинизм* и *эллинизация*. Термин эллинизм был введен в научный оборот в первой половине XIX в. И.Г. Дройзеном. Согласно

⁷ Здесь соправители вполне могли ориентироваться на ранних мероитских царей Арнекамани и Аркамани, которые правили в III – начале II вв. до н.э. и ориентировались, в свою очередь, в преобразовании монументального ландшафта государства на более ранние образцы напатского времени [Vrtal, 2015, p. 485]. Интересно, что на правление Арнекамани и Аркамани пришелся другой период быстрого развития Мероитского царства, связанный, вероятно, с установлением дружественных торговых отношений с Птолемеевским Египтом (см. ниже) и началом Римского климатического оптимума.

⁸ Рис. 1 находится на цветной вклейке.

⁹ Похоже, то же самое божество встречается на рельефе наследника Натакамани царя Шоркарора в Гебель-Кейли [Hintze, 1960, Abb. 8].

¹⁰ В настоящей статье мы будем разделять эллинистические памятники, созданные в границах эллинистических культур непосредственно носителями синкретического эллинистического мировоззрения, и памятники эллинизированные, созданные за пределами эллинистического мира мастерами, которые вдохновлялись эллинистическими примерами.

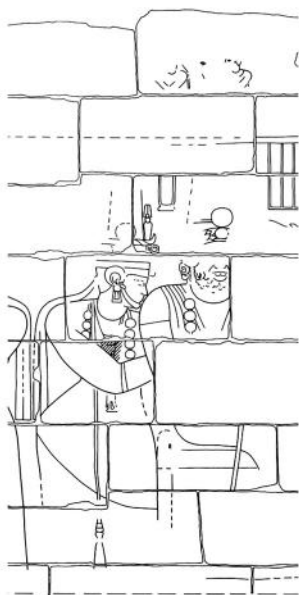

Рис. 2. Царица Аманиторе и Зевс-Амон-Серapis (?) в храме Апедемака в Наге (внутренняя западная стена) (по: [Gamer-Wallert, 1983, Bl. 12])

Fig. 2. Queen Amanitore and Zeus-Amun-Serapis (?) in the Apedemak temple at Naqa (interior west wall) (after [Gamer-Wallert, 1983, Bl. 12])

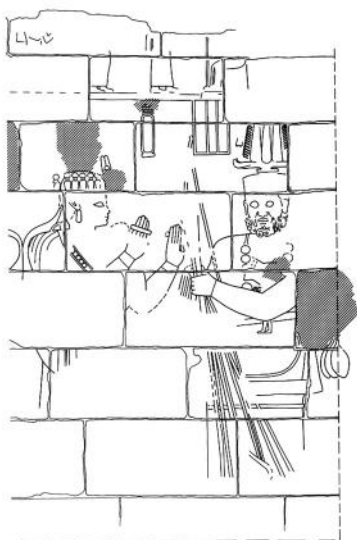

Рис. 3. Царица Аманиторе и Серapis-Апедемак в храме Апедемака в Наге (внутренняя южная стена) (по: [Gamer-Wallert, 1983, Bl. 10/a])

Fig. 3. Queen Amanitore and Serapis-Apedemak in the Apedemak temple at Naqa (interior south wall) (after [Gamer-Wallert, 1983, Bl. 10/a])

Рис. 4. Солярное божество (Зевс-Гелиос-Амон ?) в храме Апедемака в Наге
(внутренняя северная стена) (по: [Gamer-Wallert, 1983, Bl. 11/a])

Fig. 4. Solar deity (Zeus-Helios-Amun ?) in the Apedemak temple at Naqa (interior north wall)
(after [Gamer-Wallert, 1983, Bl. 11/a])

Дройзену, эллинизм (Hellenismus) – это время после походов Александра Македонского и до сражения при мысе Акции, когда эллинская образованность распространяется вместе с господством самих эллинов среди народов Востока, в результате чего с течением времени появились исторические условия для возникновения христианства [Droysen, 1953].

После И.Г. Дройзена термин широко вошел в употребление и – несмотря на то, что вскоре его стали критиковать за неудачность – прижился до такой степени, что отказываться от него стало уже поздно. С тех пор продолжают активно обсуждаться как его сущность, так и возможные сферы его применения¹¹, причем советская историческая школа внесла в эти дискуссии значительный вклад. В рамках проблематики данной статьи следует, как кажется, отметить следующее. Во-первых, с середины XX в., вслед за К.К. Зельным [Зельин, 1953], исследователи обычно склонны видеть в эллинизме не эпоху и не этап развития рабовладельческого общества, а конкретно-историческое явление, которое требует анализа во всех сферах своего проявления от экономики и социальных и политических отношений, до идеологии и культуры. Во-вторых, в мировой историографии произошел переход от обсуждения эллинизма преимущественно в категориях экспансии и внедрения элементов греческой культуры на Востоке, к рассмотрению этого явления в рамках взаимодействия и взаимопроникновения эллинских и местных (восточных) начал. В-третьих, продолжают дискуссии о хронологических и географических рамках эллинизма, а также о том, как определять страны и территории, которые испытывали влияние со стороны эллинов, но никогда не находились под властью греко-македонских завоевателей.

¹¹ К обзору историографии см., например: [Балахванцев, 2020].

Термин эллинизация появился позднее [Momigliano, 1975]. С одной стороны, эллинизация – это проникновение греческих культурных традиций и элементов материальной культуры в негреческие общества, т.е. основной процесс эпохи эллинизма. С другой стороны, при такой трактовке эллинизация выходит за рамки эллинизма и не может увязываться исключительно с последствиями походов Александра Македонского. Современные исследователи включают в понятие эллинизации самые разнообразные виды культурного поведения и взаимодействия от использования языка до восприятия греческой одежды или посуды [Malkin, 2001; Demetriou, 2012; Prag, Quinn, 2013]. При этом сам термин, конечно, так же не идеален, как и породившее его понятие эллинизм, поскольку по природе своей отдает приоритет влиянию греков на представителей местных культур, выставляя последних преимущественно получателями, что упрощает и искажает происходившие в реальности культурно-исторические процессы.

Дебаты о сущности эллинизации имеют очевидную параллель с дискуссией о романизации, концепция которой к настоящему времени более разработана в теоретическом плане [Woolf, 1998, p. 1–23; Mattingly, 2011]. В частности, в современной науке осмысливается не только то, как неримляне пассивно воспринимали римское влияние, но и то, насколько активно они сами заимствовали элементы чужой культуры и социально-экономических отношений (в том числе для достижения конкретных социальных, экономических и политических целей). Учитывая тот факт, что Рим сам участвовал в процессе эллинизации, эффективно разграничивать эллинизацию и романизацию порой непросто. В значительной степени именно в связи с этим появлялось такое определение как «греко-римский», активно используемое в историописании, искусствоведении и археологии нильской долины.

Мероитское царство и происходившие там процессы традиционно находятся на периферии интересов специалистов по истории эллинизма и эллинистического искусства, равно как и египтологов. Что касается специалистов по древнему Судану, то феномен эллинизации кушитской культуры и образа жизни стал серьезно занимать их внимание лишь в последние 30–40 лет. До этого, благодаря нескольким ярким находкам, сделанным, прежде всего, в Мероэ, но оторванным от своего культурного, функционального и археологического контекста, Мероитское царство считалось вполне эллинизированным. Так, М.И. Ростовцев полагал, что Мероэ со своими «эллинистическими дворцами, эллинистическими банями, эфиопско-эллинистической скульптурой и декоративными фресками стало маленькой нубийской Александрией» [Rostovtzeff, 1957, p. 302]. При этом к данному утверждению исследователя подтолкнул, судя по всему, лишь один комплекс – водное святилище в Мероэ, которое действительно сохранило явно эллинизированные архитектуру, скульптуру и росписи [Török, 2011, p. 139–188].

Взгляд на Куш как «почти эллинистическое царство» [Thompson, 1969, p. 36] просуществовал вплоть до второй половины XX в. Это вполне объяснимо, ведь первые истории Куша писали египтологи, знакомые с египетской и античной письменной традицией и видевшие в Нубии преимущественно лишь объект египетской (и затем греко-римской) экспансии. В связи с этим обнаруживаемый на памятниках импорт из средиземноморского региона, а также примеры эллинистического влияния в архитектуре и искусстве собирались, как правило, без оглядки на их контекст и место в культуре африканского государства. Соответственно, качественные характеристики уступали место количественным: чем больше эллинистических или эллинизированных предметов, тем больше степень эллинизации населения. Если Дж.Э. Райзнер, исследовавший окрестности Напаты и Мероэ в первой четверти XX в., считал, что все достижения кушитской цивилизации случились благодаря завезенным египетским мастерам, а история независимого Куша – это история деградации и утраты полученных от египтян знаний [Reisner, 1922, p. 178], то в 1961 г. британский

археолог А. Аркелл писал в своей «Истории Судана до 1821 года», что немногочисленные яркие моменты в этом нескончаемом угасании были связаны со спорадической активизацией внешних связей, в частности, с греко-римским миром [Arkell, 1961, p. 138].

Историография древнего Куша стала последовательно отходить от традиционного египтоцентризма в последние 50 лет [Trigger, 1965; Adams, 1977]. Это стало возможным благодаря, прежде всего, двум факторам: кампании ЮНЕСКО по спасению памятников Нубии, привнесшей в изучение нильской долины новую по тем временам связку процессуальной археологии и антропологии, и процессу деколонизации с парадом государственных суверенитетов в Африке [Burststein, 2021].

Сегодня очевидно, что включенность Мероитского царства в процесс эллинизации была весьма своеобразной и сильно отличалась от того, что происходило в Египте, где продвижение эллинских ценностей и эллинского стиля жизни было результатом взаимонаправленных действий как со стороны новой правящей династии, так и местных элит, стремившихся показать лояльность и зафиксировать или улучшить свое положение в обществе. Куш, известный античным авторам под названием Эфиопия, никогда не был частью эллинистического мира и, несмотря на военные попытки Птолемея II и его наследников, а затем римских принцев его подчинить, сохранил свою политическую независимость. Кроме того, на территории Куша никогда не было компактных греческих общин, возникших в результате миграции, и вообще сколько-нибудь заметного числа греков.

В современной историографии обычно подчеркиваются три характерные особенности эллинизации Куша. Во-первых, считается, что мероитские элиты¹² самостоятельно выбирали те элементы греческой культуры и образа жизни, которые были достойны заимствования. Во-вторых, расхожей является гипотеза о том, что на протяжении всей своей истории мероитский Куш воспринимал эллинистические элементы преимущественно как часть *египетской* культуры, которая, несмотря на значительное переформатирование кушитского государства при переносе основного политического и экономического центра на «Остров Мероэ», оставалась примером для подражания элит. В-третьих, указывается, что в рамках кушитской культурной традиции воспринятые эллинистические образы значительно переосмысливались и приобретали, таким образом, новые значения¹³.

В начале III в. до н.э., на фоне активного военно-политического противостояния с Птолемеевским Египтом, кушиты могли регулярно контактировать с греками и македонянами напрямую. Согласно Агафархиду, современник Птолемея II эфиопский царь Эргамен I, которого можно отождествить с мероитским правителем Аракамани (Аркаманико) [Török, 2009, p. 390, no. 74], был якобы обучен греческой философии [Eide et al., 1998, p. 588–589, 647–649]. А один из его наследников, царь Аркамани I (Эргамен II ?), бывший, судя по всему, современником Птолемея IV и правивший на рубеже III–II вв. до н.э., заимствовал стандартную птолемеевскую титулатуру и символы власти (короны). В том же III в. до н.э. царская резиденция в Мероэ была отделена от остального поселения, включая храмовую зону, массивной стеной, напоминающей греческие образцы [Török, 1997(2), p. 41–43], что не соответствовало, насколько мы знаем, кушитским традициям¹⁴.

¹² Термин «элиты» сегодня все чаще используется в историографии, посвященной проблемам древней истории нильской долины [Grajetzki, 2020, p. 22]. Мы не вкладываем в него современных значений, связанных с выборностью, исключительностью или выдающейся культурной ролью. Поскольку социальный строй Мероитского царства изучен весьма слабо, для нас это предпочтительный вариант обозначения правящего (господствующего) класса.

¹³ Подробнее см.: [Török, 2011; Burststein, 1993; 2008; 2021; Кормышева, 2022].

¹⁴ Впрочем, более ранняя кушитская столица, Напата, пока не раскопана, поэтому аргументированно судить об этом преждевременно.

Мирное сосуществование, начавшееся ок. 270 г. до н.э., базировалось, безусловно, на общих интересах, в которые входили экспорт в Египет экзотических африканских товаров и сотрудничество в деле отлова слонов для птолемеивской армии [Абакумов, 2020]. Этот период продолжался до конца столетия и способствовал интенсификации контактов Мeroитского царства с эллинистическим миром. Свидетельством этого, возможно, является выполненный под большим влиянием греческой традиции комплекс водного святилища в Мероэ, отреставрированный затем при Натакамани и Аманиторе в I в. н.э. [Török, 1997(2), p. 63–91; 2011, p. 139–188]. Впрочем, этот памятник стоит особняком, ведь остальные свидетельства контактов этого времени ограничиваются в основном импортом некоторых товаров престижного потребления (в основном это были металлические сосуды различных форм, а также вина и масла в амфорах), которые регулярно оказывались в элитных погребениях, в частности, царских¹⁵. И хотя спорадические прямые контакты с собственно греками и македонянами существовали, основным актором в процессе эллинизации Мeroитского царства был, судя по всему, эллинистический Египет, и заимствования элементов греческой культуры шли преимущественно опосредованно. Именно это, видимо, привело к тому, что мероиты из всех античных богов достоверно приняли только Сераписа, который был синкретическим божеством, а в Мероэ оказался связан с культом местного бога Апедемака [Manzo, 2006, p. 88].

Второй этап активного взаимодействия Мероэ с греко-римским Египтом был более продолжительным, он охватывает время с рубежа I в. до н.э. – I в. н.э. по начало III в. н.э. Большая часть эллинистических и эллинизированных памятников, найденных на территории Куша, относится именно ко второму этапу активизации контактов. Как и в прошлый раз, начало римского периода взаимодействия ознаменовалось военными столкновениями при Августе в 29–21/20 гг. до н.э. [Török, 1997(1), p. 448–455], после чего был налажен взаимовыгодный торговый обмен. Номенклатура эллинистических импортных изделий на территории Куша расширяется, но суть торгового обмена, похоже, остается прежней: кушиты импортировали товары престижного потребления, которые почти не распространялись за пределы элит. Это были изделия из металлов, стекла и керамики: сосуды, лампы, украшения, зеркала, мебель и, конечно, амфоры с вином и, возможно, маслом [Török, 1989, p. 104–105, 117–156].

Интенсивный торговый обмен сопровождался допуском мероитских паломников и жрецов в верхнеегипетские святилища, прежде всего, на острове Филэ, где еще ранее при Птолемеи IV был выстроен храм в честь кушитского бога Аренснуйфа. Комплекс на острове Филэ приобрел статус основной контактной зоны для мероитской и греко-римской культур. При этом фактически единственным источником греческих (и римских) сюжетов для мероитских мастеров стали собственно египетские памятники.

Весь тот широкий спектр разнообразных явлений, возникающих при взаимодействии как отдельных индивидов, так и целых социальных групп с инокультурным окружением, обычно увязывают с такими процессами как интеграция, инкультурация, энкультурация, социализация, аккультурация и ассимиляция. Однако в исторических исследованиях рассматриваются преимущественно интеграция, аккультурация и ассимиляция, которые проще проследить по традиционным историческим источникам.

¹⁵ [Dunham, 1957, p. 28, 41, 70, 73, 77, 82; 1963, p. 78]. Важно отметить, что импортные изделия из средиземноморского региона оказали заметное воздействие на собственно мероитское производство. Так, с III в. до н.э. прослеживается проникновение в мероитское гончарное дело иноземных форм сосудов (кратеров, асков, лекифов, клепсидр и др.) и сюжетов декора (растительные и зооморфные мотивы) [Nowotnick, 2016; Малых, 2021]. В частности, популярная в I–II вв. н.э. мероитская тонкостенная каолиновая керамика, активно изготавливавшаяся при Натакамани, Аманиторе и их преемниках, имитировала, по всей видимости, бронзовые, стеклянные и керамические сосуды Pax Romana [Török, 1987, p. 82–83; David, Evina, 2016, p. 111; Малых, 2024].

Ласло Тёрёк посвятил эллинизированному искусству Мероэ (он использует термин «эллинизирующее искусство») единственную в своем роде монографию [Török, 2011]. Процесс восприятия мероитами эллинистической традиции он классифицирует как «аккультурацию», однако берет этот термин в кавычки, чтобы подчеркнуть, что восприятие мероитами египетского эллинистического и эллинизированного искусства было обусловлено *исключительно внутренними потребностями и соображениями мероитских элит*.

Принимая во внимание вышеописанный контекст, мы можем вернуться к Натакамани и Аманиторе. Здесь важными кажутся два наблюдения. Во-первых, анализ Л. Тёрёка убедительно показал, что правящая чета вдохновлялась не собственно эллинскими памятниками, а эллинизированными египетскими образцами. Подтверждением этому является стилистика, но также и тот факт, что при Натакамани и Аманиторе на короткий период в мероитскую эпиграфику вновь широко возвращается древнеегипетский язык. То есть интересовал правителей, судя по всему, не столько огромный римский мир, сколько египетская культура в том виде, в котором она в то время существовала. При этом актуальные египетские образы и письменность использовались совершенно самостоятельно для решения конкретных задач легитимизации необычного соправления в рамках чисто кушитской культурной парадигмы [Török, 2011, p. 309–325]. В этом плане очередная «египтизация» кушитских элит в I в. н.э. вполне соответствует многовековой предыдущей традиции циклического возвращения интереса кушитов к египетским образцам. В условиях I в. н.э., как и в III в. до н.э., она неизбежно должна была захватить элементы эллинизированного искусства и архитектуры, ставшие к рубежу эр неотъемлемой частью египетских монументальных ландшафтов. Существенная разница, однако, заключалась в том, что если в III в. до н.э. такие влияния могли проникать в Куш напрямую через контакты мероитских правителей с александрийским двором и даже появление в Мероэ греческих или эллинистических мастеров, то теперь эллинистические элементы, судя по всему, заимствовались опосредованно, прежде всего, через знакомство мероитов с архитектурой храмовых комплексов в Верхнем Египте (в особенности на острове Филэ).

Во-вторых, расположение эллинизированных памятников Натакамани и Аманиторе в рамках монументального ландшафта Мероитского царства весьма специфично. Это дворцовый комплекс в священной столице Напате (Гебель Баркал), игравший важную роль в ритуалах обновления царской власти [Sist, 2000, p. 256], водное святилище в Мероэ, обновленное при Натакамани и Аманиторе, храмовый комплекс, связанный с царским культом и почитанием Апедемака в Абу Эртейле, храм Апедемака и часовня Хатхор в богатом торговом и религиозном центре в Наге, а также, возможно, храм неизвестному местному божеству в Дуанибе. Интересно, что Нага, Дуаниб и Абу Эртейла расположены на важных торговых и стратегических путях, ведущих в глубинные районы Африки и к красноморскому побережью, а Напата и Мероэ были основными логистическими пунктами, через которые африканские товары следовали далее на север – в Египет и Средиземноморье. Отметим также, что в Напате, важнейшем религиозном центре государства, эллинизированные мотивы активно использовались в роскошном дворцовом квартале, *но не в главном храме* Амона, который перестраивался тогда же, или в древнем храме В 1100, где также велись работы. То же наблюдение касается строительства храма Амона в Наге или перестройки храма Амона в Мероэ – и там нет попыток использовать эллинизированные мотивы. Иными словами, география эллинизированных памятников Натакамани и Аманиторе значительно уже общей географии их строительной активности, а сами эти памятники связаны либо непосредственно с царской семьей и ритуалами обновления царской власти, либо посвящены царскому культу и почитанию местных божеств (возможно, что на самом деле лишь одного бога – покровителя царской власти и плодородия,

бога-воителя Апедемака, поскольку главное божество разрушенного храма в Дуанибе не установлено).

Следует согласиться с А. Манцо в том, что значительное влияние на отбор эллинизированных мотивов оказала иконография дионисийского круга [Manzo, 2006]. Она прослеживается в Дуанибе (изображение Пана/Селена), в изразцах из дворца Натакамани и Аманиторе в Гебель Баркале и водного святилища в Мероз (менады). В том же дворце в большом количестве хранились амфоры с импортным вином из Римской империи [Vincentelli, 1989, p. 131], были найдены оттиск печати с изображением амфоры перед львиным божеством (по всей видимости, Апедемаком) [Vincentelli, 1989, p. 133–134, fig. 2.3] и сосуд с театральными масками [Sist, 2000, p. 254, tav. XIX, fig. 10]. Виноградные листья – мотив, связанный с вином и Дионисом – встречаются на фаянсовой чаше, обнаруженной в погребении самого Натакамани [Dunham, 1957, p. 119, fig. 78], виноградные лозы появляются в оформлении первого двора припирамидной часовни Аманиторе, а в погребении сына Натакамани Ариканхарора были найдены две бронзовые головы Диониса [Dunham, 1957, p. 127, fig. 82, pl. LXVIII/A–D, XLIX/A]. Кроме того, популярными становятся традиционный греко-египетский бог Серапис, отождествленный в Наге с Апедемаком (рис. 3), и неизвестное солярное божество (рис. 4).

Если мы полагаем, что монументальный ландшафт используется для передачи социальных смыслов и памяти, то в случае с Натакамани и Аманиторе очень похоже, что эллинизированные памятники формировали сообщения, предназначенные в первую очередь для царского окружения. Включение в сеть эллинизированных памятников важнейших торговых пунктов и главной царской резиденции говорит, вероятно, и о других возможных адресатах – иностранных купцах, дипломатах и, быть может, вождях кочевых племен. Что же это могли быть за сообщения? Использование дионисийских образов, почитание Сераписа и загадочного солнечного божества могло быть отсылкой к недавно рухнувшей государственности поздних Птолемеев, в идеологии которых Дионис, Серапис и Гелиос играли важную роль [Manzo, 2006, p. 91]. Действительно, если перед Натакамани и Аманиторе стояла задача выстроить собственную идеологию и обосновать права на престол, то обращение, с одной стороны, к главному местному богу Апедемаку, а с другой стороны, к птолемеевским божествам кажется очень логичным. Время Натакамани и Аманиторе – это период параллельного укрепления как Мeroитского царства, так и его главного торгового партнера – Римской империи времен Юлиев-Клавдиев. Такой фон мог вызывать постепенное нарастание конкуренции между Кушем и Римом если не в военной (она бы помешала торговле), то в политической и идеологической сферах. Если так, то соправители сделали явную ставку на подчеркнутую самостоятельность от Рима, которая в конкретных исторических условиях вылилась в развитие культов местных божеств и египтизацию вместо романизации. Последнее могло быть попыткой утвердить себя наследниками Птолемеев через легко считываемые образы, возвращение в эпиграфику древнеегипетского языка, а также строительство и реставрацию храмов древнеегипетского бога Амона¹⁶. Такой подход должен был найти понимание в среде как местного правящего класса, так и, возможно, греческих и египетских элит к северу, создав при этом идеологическую основу для возможного противостояния с Римом в будущем. Учитывая, что в Напатский период кушиты уже успешно захватывали власть над всем нижним течением Нила, провозгласив себя истинными царями Верхнего и Нижнего Египта (этот титул, кстати, Натакамани и Аманиторе

¹⁶ Когда данная статья уже готовилась к печати, мне стало известно о том, что чешские коллеги, работающие в Вад Бен Наге, обнаружили в храме Исиды (WBN 300) новую титулатуру Натакамани, которая явно имитировала царскую титулатуру поздних Птолемеев [Onderka, 2023, p. 199, 203, fig. 22]. Это открытие подкрепляет основной тезис данной работы, и я благодарен П. Ондерке за указание на него.

бережно за собой сохраняли), не исключено, что это «идеологическое ружье», повешенное у всех на виду, готовилось на случай ослабления римлян для повторных притязаний на всю Нижнюю Нубию и даже, возможно, более северные земли¹⁷.

Эллинизация монументального ландшафта Мероитского царства при Натакамани и Аманиторе выглядит как тщательно продуманное, точечное и политически мотивированное действие, которое позволяет лучше понять реальные причины и степень проникновения в Мероэ эллинской культуры. Совершенно очевидно, что, заимствуя эллинистические и эллинизированные архитектурные и декоративные формы и технологии из Римского Египта, мероиты переосмысливали их в контексте собственной культуры, используя в дальнейшем для выражения собственной религиозной и политической традиции. Данный пример может быть полезен для изучения культурно-исторических процессов, происходивших в то же самое время на других окраинах эллинистического и затем римского мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абакумов А.А. Со слонами против персов: Элефантерия древней Эфиопии. *Восток (Oriens)*. 2020. № 6. С. 39–46 [Abakumov A.A. With the Elephants against the Persians: The Elephantry of Ancient Aethiopia. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 6. Pp. 39–46 (in Russian)].

Берзина С.Я. *Мероэ и окружающий мир. I–VIII вв. н.э.* М.: Наука, 1992 [Berzina S.Y. *Meroe and the World around it. 1st - 8th Centuries CE*. Moscow: Nauka, 1992 (in Russian)].

Балахванцев А.С. Споры об эллинизме. *Восток (Oriens)*. 2020. № 4. С. 21–31 [Balakhvantsev A.S. Disputes about Hellenism. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 4. Pp. 21–31 (in Russian)].

Зельин К.К. Основные черты эллинизма. *Вестник древней истории*. 1953. № 4. С. 145–156 [Zelyin K.K. The Main Features of Hellenism. *Journal of Ancient History*. 1953. No. 4. Pp. 145–156 (in Russian)].

Кормышева Э.Е. Особенности эллинистической культуры Древнего Судана. *Ориенталистика*. 2022. № 5(2). С. 224–242 [Kormysheva E.E. Features of the Hellenistic culture of ancient Sudan. *Orientalistica*. 2022. No. 5(2). Pp. 224–242 (in Russian)].

Лебедев М.А. История мероитских археологических комплексов устья Вади-эль-Хавад (Судан). *Восток (Oriens)*. 2019. № 2. С. 21–48 [Lebedev M.A. History of Meroitic archaeological complexes of Wadi al-Hawad (Sudan). *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 2. Pp. 21–48 (in Russian)].

Малых С.Е. Греческая и римская керамика в африканском царстве Мероэ: пути проникновения и степень влияния. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 6–17 [Malykh S.E. Greek and Roman Pottery in the African Kingdom of Meroe: Ways of Penetration and Influence. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 6–17 (in Russian)].

Малых С.Е. Тонкостенная керамика времени Натакамани и проблема выявления «имперского стиля» в материальной культуре Мероэ (Судан). *Восток (Oriens)*. 2024. № 1. С. 47–58 [Malykh S.E. Ceramic Fine Wares of Natakamani and the Problem of Identifying the “Imperial Style” in the Material Culture of Meroe (Sudan). *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 1. Pp. 47–58 (in Russian)].

Adams W.Y. *Nubia: Corridor to Africa*. London: Allen Line, 1977.

Arkell A.J. *A History of the Sudan to 1821*. London: University of London, 1961.

Bradley R. *The Past in Prehistoric Societies*. London: Psychology Press, 2002.

Burstein S.M. The Hellenistic Fringe: The Case of Meroe. Green P. (ed.). *Hellenistic History and Culture*. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 1993. Pp. 38–54.

Burstein S.M. When Greek Was an African Language: The Role of Greek Culture in Ancient and Medieval Nubia. *Journal of World History*. 2008. Vol. 19(1). Pp. 41–61.

Burstein S.M. The African Encounter with Greece: The Case of Kush. *Acta Classica*. 2021. Vol. 64. Pp. 48–71.

¹⁷ С конца I в. н.э. мероитские правители действительно несколько десятилетий боролись с римлянами за Нижнюю Нубию [Берзина, 1992, с. 57–58], поэтому не исключено, что этот идеологический конструкт все же был задействован.

- David R., Evina M. Introduction à l'évolution des chaînes opératoires des céramiques méroïtiques. *Journal of Nubian Studies*. 2016. Vol. 3. Pp. 83–126.
- Demetriou D. *Negotiating Identity in the Ancient Mediterranean: The Archaic and Classical Greek Multiethnic Emporia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Droysen J.G. *Geschichte des Hellenismus*. Bd. I. Tübingen: Wissenschaftliche Buchgemeinschaft, 1953.
- Dunham D. *The Royal Cemeteries of Kush*. Vol. IV: *Royal Tombs at Meroe and Barkal*. Boston: Museum of Fine Arts, 1957.
- Dunham D. *The Royal Cemeteries of Kush*. Vol. V: *The West and South Cemeteries at Meroe*. Boston: Museum of Fine Arts, 1963.
- Edwards D.N. Meroe and the Sudanic Kingdoms. *The Journal of African History*. 1998. Vol. 39(2). Pp. 175–193.
- Edwards D.N. *The Nubian Past. An Archaeology of Sudan*. London, New York: Routledge, 2004.
- Eide T., Hägg T., Pierce R.H., Török L. *Fontes historiae nubiorum. Textual Sources for the History of the Middle Nile Region between the Eighth Century BC and the Sixth Century AD*. Vol. III: *From the First to the Sixth Century AD*. John Bergen: Grieg AS, 1998.
- Fuller D.Q. The Economic Basis of the Qustul Splinter State: Cash Crops, Subsistence Shifts, and Labour Demands in the Post-Meroitic Transition. Zach M.H. (ed.). *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1 – 4 September 2008*. Vienna: Citypress, 2015. Pp. 33–48.
- Furholt M., Hinz M., Mischka D. (eds.). “As time goes by?” Monumentality, Landscapes and the Temporal Perspective. *Proceedings of the International Workshop “Socio-Environmental Dynamics over the Last 12,000 Years: The Creation of Landscapes II (14th –18th March 2011)” in Kiel*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2012.
- Gamer-Wallert I. *Der Löwentempel von Naq'a in der Butana (Sudan) III. Die Wandreliefs*. Wiesbaden: Dr Ludwig Reichert, 1983.
- Grajetzki W. *The People of the Cobra Province in Egypt: A Local History, 4500 to 1500 BC*. Oxford: Oxbow, 2020.
- Haaland R. The Meroitic Empire: Trade and Cultural Influences in an Indian Ocean Context. *African Archaeological Review*. 2014. Vol. 31. Pp. 649–673.
- Hintze F. Vorbericht über die Butana-Expedition 1958 des Instituts für Ägyptologie der Humboldt-Universität zu Berlin. *Forschen und Wirken*. 1960. Bd. 3. S. 384–387.
- Hintze F. Meroitic Chronology: Problems and Prospects. *Meroitica*. Bd. 1. Berlin: Akademie-Verlag, 1973. Pp. 127–145.
- Kröper K. Temple 1200: Lion Temple 2 at Naga. *Sudan & Nubia*. 2019. Vol. 23. Pp. 113–126.
- Kuvatova V. Comparative Analysis of Paintings. Kormysheva E., Lebedev M., Malykh S., Vetokhov S. *Abu Erteila. Excavations in Progress*. Moscow: IOS RAS, 2019. Pp. 141–156.
- Malkin I. (ed.). *Ancient Perceptions of Greek Ethnicity*. Cambridge: Center for Hellenic Studies, Trustees for Harvard University, 2001.
- Manzo A. Apedemak and Dionysos. Further Remarks on the “Cult of the Grape” in Kush. *Sudan & Nubia*. 2006. Vol. 10. Pp. 82–94.
- Mattingly D.J. *Imperialism, Power and Identity: Experiencing the Roman Empire*. Princeton: Princeton University Press, 2011.
- Momigliano A. *Alien Wisdom: The Limits of Hellenization*. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
- Nowotnick U. Hellenistic Influence on Ceramics from Meroe and Hamadab (Sudan). *Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods*. S. Japp, P. Kögler (eds.). Wien: Phoibos Verlag, 2016. Pp. 399–414.
- Onderka P. The Isis Temple at Wad Ben Naga (WBN 300). *Sudan & Nubia*. 2023. Vol. 27. Pp. 188–206.
- Prag J.R.W., Quinn J.C. (eds.). *The Hellenistic West: Rethinking the Ancient Mediterranean*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Reisner G.A. The Pyramids of Meroe and the Candaces of Ethiopia. *Sudan Notes and Records*. 1922. Vol. 5. Pp. 173–196.
- Rostovtzeff M.I. *The Social and Economic History of the Roman Empire*. Rome: Clarendon Press, 1957.

Schlüter O. *Die Ziele der Geographie des Menschen*. München: Oldenbourg, 1906.

Sist L. Natakamani e l'Ellenismo: alcune considerazioni sul palazzo B 1500 a Gebel Barkal. Russo S. (ed.). *Atti del V Convegno Nazionale di Egittologia e Papirologia*. Firenze: Istituto Papirologico "G. Vitelli", 2000. Pp. 253–257.

Taurino S. Glazed Terracotta Decorations from the Palace of Natakamani (B 1500) at Napata: A Typological and Iconographical Analysis. Italian Archaeological Mission in Sudan at Jebel Barkal (Università Ca' Foscari, Venice). *Current Research in Egyptology 2017. Proceedings of the Eighteenth Annual Symposium University of Naples, "L'Orientale" 3–6 May 2017*. I. Incordino, S. Mainieri, E. D'Itria, M.D. Pubblico, F.M. Rega, A. Salsano (eds.). Oxford: Archaeopress, 2018. Pp. 210–225.

Thompson L.A. Eastern Africa and the Graeco-Roman World (to A.D. 641). Thomson L.A., Ferguson J. (eds.). *Africa in Classical Antiquity*. Ibadan: Ibadan University Press, 1969. Pp. 26–61.

Török L. Kush and the External World. Donadoni S., Wenig S. (eds.). *Studia Meroitica 1984: Proceedings of the Fifth International Conference for Meroitic Studies. Rome, 1984*. Berlin, 1989: Akademie Verlag. Pp. 49–216.

Török L. Meroitic Painted Pottery: Problems of Chronology and Style. *Beiträge zur Sudanforschung*. 1987. Bd. 2. Pp. 75–106.

Török L. *The Kingdom of Kush. Handbook of the Napatan-Meroitic Civilization*. Leiden, Boston: Brill, 1997(1).

Török L. *Meroe City an Ancient African Capital. John Garstang's Excavations in the Sudan*. Part One: Text. London: The Egypt Exploration Society, 1997(2).

Török L. *The Image of the Ordered World in Ancient Nubian Art. The Construction of the Kushite Mind, 800 BC – 300 AD*. Leiden, Boston: Brill, 2002.

Török L. *Between Two Worlds. The Frontier Region between Ancient Nubia and Egypt 3700 BC – AD 500*. Leiden, Boston: Brill, 2009.

Török L. *Hellenizing Art in Ancient Nubia 300 BC – AD 250 and its Egyptian Models. A Study in "Acculturation"*. Leiden, Boston: Brill, 2011.

Trigger B.G. *History and Settlement in Lower Nubia*. New Haven: Yale University, 1965.

Vincentelli I. Notizie preliminari sulle cretule del Palazzo di Natakamani. *Oriens Antiquus*. 1989. Vol. 28. Pp. 129–153.

Vrtal V. Egyptian Inscriptions of Natakamani and Amanitore. Mynářová J., Onderka P., Pavúk P. (eds.). *There and Back Again – the Crossroads II. Proceedings of an International Conference Held in Prague, September 15–18, 2014*. Prague: Charles University in Prague, 2015. Pp. 465–492.

Woolf G. *Becoming Roman: The Origins of Provincial Civilization in Gaul*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЕБЕДЕВ Максим Александрович – кандидат исторических наук старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

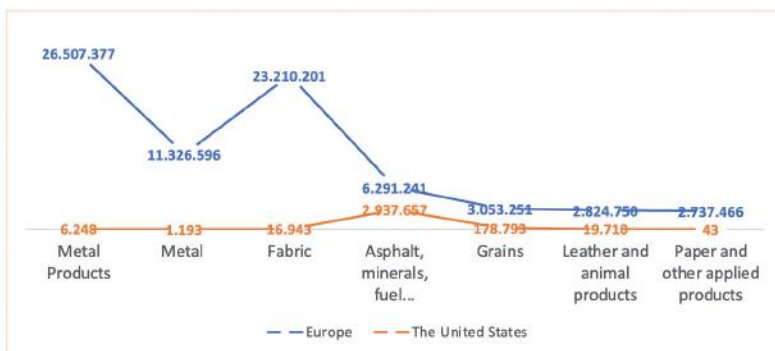
Maksim A. LEBEDEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Иллюстрация к статье М.А. Лебедева

Рис. 1. Храм Апедемака (слева) и часовня Хатхор (справа) в Наге (фото автора)
Fig. 1. Apedemak temple (to the left) and Hathor chapel (to the right) at Naqa (photo by the author)

Иллюстрации к статье
MUNG Duong Thanh, TRANG Luu, DUNG Nguyen Viet, SANG Nguyen Van

Unit: francs

Source: [Ministère des colonies, Office colonial, 1907, p. 178–181]

Chart 1: Value of Indochina's imported goods from Europe and the US in 1905